

С того самого дня Лю Юцин начал по-настоящему учить парня.

В пекинской опере важнее всего — звук, голос и форма. Если у тебя нет базы и тыходишь в дело с нуля, да ещё и в ускоренном режиме, то прежде всего нужно ухватить именно форму — внешний облик роли.

Лю Юцин говорил:

— Артист выходит на сцену — самое главное это взгляд. Движение. Поза. Ты можешь петь хорошо или плохо — это вторично. Но как только ступил на сцену, у тебя должен быть напор, должен быть дух!

Цзянь Нань стоял под палящим солнцем. Казалось, ещё немного — и с него слезет кожа. На голове у него лежала книга.

— Не двигаться! — голос Лю Юцина стал строже. — Если книга упадёт — добавим ещё час.

Пот стекал по подбородку. Цзянь Нань тихо отозвался:

— Угу.

Зрители в прямом эфире «загорали» вместе с ним уже два часа:

«Я вообще не ожидал, что тут можно прочувствовать вкус армейской муштры».

«Нань-Нань просто зверски старается».

«У-у-у, после такого у нас вообще нет права лениться, ребята».

Время тянулось медленно. Цзянь Нань стоял идеально ровно. Книга на голове покачивалась, но так и не упала.

Лю Юцин был удивлён:

— Ты раньше тренировался?

— Нет, — медленно ответил Цзянь Нань.

— Тогда откуда такое терпение? — Лю Юцин приподнял бровь. — Без подготовки так держаться — это редкость.

Пот струился по чистой линии подбородка, глаза заволокло влагой. Цзянь Нань спокойно сказал:

— В прошлом году я снимался в одном проекте. По роли нужно было сильно похудеть. Чтобы сбросить вес, я каждый день торчал в спортзале. Вот и натренировался.

Лю Юцин кивнул:

— Неплохо.

Есть люди, которые безжалостны к самим себе. Таким легко добиться успеха — и так же легко загнать себя в тупик.

Глянув на часы, Лю Юцин наконец смягчился:

— Отдохни.

Стоило прозвучать приказу — Цзянь Нань тут же обмяк. Книга упала на землю. Он согнулся, опираясь на колени, жадно хватая воздух, и только сейчас заметил, что земля под ногами почти вся промокла от пота. Во дворе время от времени поднимался лёгкий ветерок, но облегчения он не приносил.

Лю Юцин, обмахиваясь веером, усмехнулся:

— Современная молодёжь совсем не умеет терпеть. В наше время о таком и не мечтали. Пока не пей воду и не стой на ветру. Сам немного передохни, потом продолжим.

— Хорошо, — отозвался Цзянь Нань и прислонился к колонне в беседке.

Некоторые зрители забеспокоились:

«Почему нельзя?»

«После слишком интенсивной нагрузки вроде нельзя сразу пить и отдыхать».

«Да-да, я тоже что-то такое слышал».

В чате шли обсуждения, но больше всего там было сочувствия Цзянь Наню. Само по себе «штрафное стояние» — вещь скучная и легко отпугивает зрителей. Но у Цзянь Наня всё было иначе: Лю Юцин никогда не простаивал без дела и использовал это время, чтобы объяснять ему оперу.

Как слушать разбор, чтобы действительно понять. Истории, скрытые за знаменитыми операми. Манеру пения, интонации, переходы. Многие любят, когда старшее поколение рассказывает — в этом есть особый вкус, чем больше слушаешь, тем сильнее затягивает.

Цзянь Нань достал из колодца арбуз, разрезал его и поделил с дядюшкой Лю, заботливо прихватив ложку.

Дядюшка Лю посмотрел на небо и нахмурился:

— Недавно лили проливные дожди, а теперь солнце так жарит... Странная нынче погода.

— Ага, — Цзянь Нань откусил кусок охлаждённого колодезной водой арбуза. — И правда странная. Лишь бы ничего не случилось.

Дядюшка Лю качнул веером и промолчал.

После обеда снова начались занятия. Утром — стойка, днём — работа с голосом. Голос у Цзянь Наня был хороший, и Лю Юцин предложил ему выбрать: дань или кунь.

Цзянь Нань вспомнил Фэй Тина:

— Я хочу петь дань.

— Дань? — дядюшка Лю усмехнулся. — Не боишься, что тебя будут называть «женственной красоткой»?

Цзянь Нань тоже улыбнулся. У него не было подобных комплексов, и он открыто сказал:

— На сцене я — женственная красотка. А за сценой — Цзянь Нань.

Его спокойствие передалось и дядюшке Лю. Тот фыркнул:

— Хороший у тебя настрой.

Зрители тоже растрогались:

«Дань — здорово, можно носить такие красивые украшения».

«А „тёплая“ версия Нань-Наня вообще шикарная».

«Я понял: ему правда идёт быть изящным бумажным человечком — таким, которого держат на ладонях, словно маленькую принцессу».

«Для меня Нань-Нань — просто малыш».

Путь Цзянь Наня в оперном искусстве складывался на удивление гладко. К вечеру его общий балл уже достиг 120.

По дороге назад он встретил Фэн Цзиня.

Фэн Цзинь бегал по поручениям:

— Нань-Нань, ты уже закончил? А мне ещё разок нужно сбегать. У старушки невестка сына, говорят, беременна. Она хочет навестить, но стесняется. Вот я и купил на рынке курицу — потом сварит бульон и позовёт невестку.

— Чья это была идея? — спросил Цзянь Нань.

Фэн Цзинь улыбнулся:

— Моей мамы.

Сильно.

И правда, все мамы в мире — это встроенный чит-код. Если подумать, такой маленький господин, как Фэн Цзинь, сосланный на это шоу на «исправительные работы», — узнай об этом дамы из семьи Фэн, что бы они почувствовали? Наверное, чувства были бы весьма сложные.

От этих мыслей Цзянь Нань снова вспомнил Сяо Дуна.

У Дун Цзюньина не было матери, а отношения с отцом — мягко говоря, непростые. Возможно, ему даже к лучшему, что он не попал на это шоу: слишком легко было бы растревожить старые раны. Надо будет как-нибудь позвать Сяо Дуна поужинать вместе.

Думая об этом, Цзянь Нань сказал:

— Тогда я пойду осмотрюсь, куплю каких-нибудь местных сувениров. В следующий раз, когда буду возвращаться, возьму с собой.

Фэн Цзинь кивнул:

— Иди.

Было уже после заката. Небольшой городок почти погрузился в покой. Цзянь Нань нашёл одну улицу — вдоль неё тянулись лавки. Всё, что казалось интересным, он заходил посмотреть, а если что-то приходилось по душе — покупал, чтобы потом увезти с собой.

Проходя мимо одной из лавок, Цзянь Нань вдруг остановился.

Он увидел ту самую девушку в белом, с которой встречался раньше.

Почти не раздумывая, Цзянь Нань вошёл внутрь и подошёл ближе:

— Здравствуйте!

Девушка обернулась и посмотрела на него с лёгким сомнением:

— Вы...?

— Вы меня не помните? — Цзянь Нань указал на себя. — Мы же встречались. Тем утром. И ещё Байбай... мы разговаривали.

Девушка моргнула:

— Байбай?

Цзянь Нань кивнул:

— Да!

— В детстве у меня действительно была собака, — девушка улыбнулась. — Но она давно умерла. Наверное, вы меня с кем-то перепутали.

Цзянь Нань нахмурился:

— Как же так...

Неужели он и правда ошибся?

Если хорошенько задуматься, черты той девушки в памяти действительно расплывались. Возможно... он и правда принял её за другую.

Осознав это, Цзянь Нань искренне извинился:

— Простите, кажется, я ошибся.

— Ничего страшного, — девушка взяла упаковку чая и направилась к кассе. — Я тут путешествую. Завтра уже уезжаю. Знаете, это странно — я никогда раньше не была в этом городке, но с первого же момента почувствовала к нему особую близость, будто всё здесь знакомо. Только я приехала одна и не сделала ни одной фотографии... А уже возвращаться.

Если вам не сложно, вы могли бы помочь мне и сделать снимок?

— Конечно, — сразу ответил Цзянь Нань. — Без проблем.

Девушка прошла вместе с ним через маленький переулок и встала у реки, среди плакучих ив. На фоне закатного неба она улыбнулась — брови изогнулись мягкой дугой, взгляд был тёплым, словно весенний ветер.

Цзянь Нань нажал на кнопку.

После съёмки девушка подошла посмотреть результат и явно обрадовалась:

— У вас так хорошо получилось!

— Рад, что вам понравилось, — Цзянь Нань протянул ей фотоаппарат.

Камера была с мгновенной печатью. Девушка подождала немного — вышли два снимка. Один из них она протянула Цзянь Наню:

— Это вам. На память.

— Спасибо, — он аккуратно принял фотографию.

Девушка помахала ему рукой:

— Тогда я пойду.

Почему-то, глядя ей вслед, Цзянь Нань вдруг окликнул её:

— Эй... подождите!

Она остановилась и, обернувшись, с любопытством посмотрела на него. Цзянь Нань поколебался, но всё-таки спросил:

— А... как вас зовут?

Девушка на мгновение задумалась, потом улыбнулась:

— Бай Чжаньчжань.

Фамилия — Бай.

Цзянь Нань кивнул:

— Понял.

Их короткая встреча так же быстро закончилась, как и началась. Цзянь Нань возвращался в лёгком оцепенении. Хорошо, что съёмочная группа уже закончила работу — иначе он бы точно выдал себя с головой.

Вечером стояла духота. Вернувшись, Цзянь Нань долго ворочался в постели, не в состоянии уснуть, с ощущением, будто что-то тревожит сердце.

Вдруг глухой раскат грома разорвал тишину — отдалённый, но стремительно приближающийся, будто взорвался прямо в груди. Цзянь Нань инстинктивно сел, глядя, как

чёрное небо за окном рассекает ослепительная молния.

Непонятно почему, но сердце болезненно сжалось.

Однако раскат больше не повторился. Цзянь Нань только успел лечь обратно, как зазвонил телефон — это был Фэн Цзинь:

— Нань-Нань! Кажется, в горах начался пожар! Молния ударила — и загорелось!

Цзянь Нань мгновенно вскочил:

— Пожар?!

— Да! — в голосе Фэн Цзиня звучало возбуждение. — У тебя оттуда не видно, а у меня из окна видно! Вон там, в небе, будто огромный факел загорелся — выглядит очень жутко!

...

В голове Цзянь Наня вспыхнула мысль: дом дядюшки Лю ведь как раз у горы.

А разве могила его покойной жены не там же, на склоне? Не наделает ли дядюшка Лю глупостей?

От этих мыслей у Цзянь Наня заныло под сердцем.

— А огонь... он может спуститься сюда? — спросил он.

Фэн Цзинь посмотрел ещё раз:

— Вроде всех эвакуируют. До нас, думаю, пока не дойдёт — слишком далеко.

Цзянь Нань нахмурился и, помолчав, сказал:

— Сяо Цзинь, ты оставайся в отеле и никуда не ходи. Здесь, скорее всего, пока всё будет в порядке. Делай всё так, как скажут режиссёр и остальные.

Фэн Цзинь уловил неладное:

— Нань-Нань... Нань-Нань, а ты куда?

Ответа не последовало — звонок оборвался.

Цзянь Нань быстро натянул одежду и тут же набрал Лю Юцина. Это был первый раз, когда он звонил дядюшке Лю. Но в трубке раздалось лишь сухое: «абонент временно недоступен».

Дом Лю Юцина стоял в самой глуши деревни, вплотную к горам. Если пожар начнёт спускаться, удар он примет первым.

Есть люди упрямые по своей природе. Они живут, держась за некую опору — это может быть дом, может быть призрачная ценность, нечто, что для других кажется пустяком. И если всё это исчезает, они скорее предпочтут погибнуть вместе с этим.

Весь городок пришёл в движение. Люди стремились перебраться как можно дальше от гор.

И лишь один Цзянь Нань шёл в сторону подножия.

<http://bllate.org/book/12642/1121332>